

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Леонид

Треск, грохот, вопль, страх... Его тело подпрыгивает и с шумом, как ему кажется, приземляется на кровать; он резко открывает глаза, вскакивает и оглядывается. «Тьфу, это всего лишь проклятый будильник!»

Уже полгода ему не удавалось нормально поспать. Он просыпался разбитый, будто всю ночь таскал мешки. Во рту было противно и кисло, голова болела, глаза слипались... Лежа в постели и мучаясь от бессонницы, он думал о том, что завтра предстоит новый день и он будет чувствовать себя так, будто его сварили в киселе, а потом вынули из кастрюли размякшим, рыхлым, с чугунной головой и притупленными эмоциями.

Все-таки не спать, да еще в его возрасте, — это преступление! А заснуть никак не удавалось. Он ворочался с боку на бок, глядя в темноту стеклянными глазами, стонал, пытаясь притянуть к себе сон, считал овец, коров и прочих домашний скот, который толпился в его измученном сознании. Все без толку. Сон не шел. Иногда он просто тупо глядел в потолок, где новенькая хрустальная люстра печально поблескивала в свете уличного фонаря и приглушенного лунного сияния. Хорошо, если бы хоть идеи

приходили толковые, может быть, даже на грани гениальности, но нет! Как назло, в голову лезли какие-то ошметки мыслей, осколки размышлений, жалкие обрывки замыслов. Тьфу, проклятая бессонница!

Заснуть удалось только под утро. Рваный, поверхностный сон не только не принес успокоения истерзанному организму, но лишь утомил еще больше. Когда раздался звонок будильника — ровно в 8:30 — Леонид со злостью треснул по нему ладонью и, с трудом продирая глаза, попытался оторвать от подушки затекшую свинцовую голову. Но куда там! Она даже и не собиралась подниматься, лежала как прибитая.

«Еще пятнадцать минут», — подумал он и снова задремал. За эти четверть часа ему даже что-то приснилось (что именно, он, конечно, не смог бы вспомнить), но эти минуты стали целебными — полноценным, хоть и коротким, настоящим сном. И в 8:45 он, посвежевший, хотя по-прежнему недовольный и помятый, поднялся с кровати, не глядя, сунул ноги в тапки и поплелся в ванную.

Там он принялся разглядывать себя в беспощадном громадном зеркале. Глазки маленькие, заплывшие, еле виднеются над массивным носом и опухшими щеками, растрепанные волосы повисли седыми сосульками, правая рука чуть подрагивает...

Его охватила паника — неужели опять? Он взял стакан, попытался наполнить его водой, но чуть не уронил его. Поставил, стараясь унять тремор — и не смог... Стало по-настоящему страшно. Это старость? Или еще хуже?

Спустя несколько минут дрожь утихла, и он снова был в состоянии владеть собой. Озноб, охвативший его, тоже отступил.

Он начал свои рутинные утренние процедуры.

А в соседней комнате, в своей кровати, осталась Наталья. Леонид думал, что она спит, и ушел, не взглянув к жене — ему было неинтересно. Он знал, что Наталья лежит, уткнувшись носом в подушку, в уголке рта у нее засохла слюна, а волосы безобразно слиплись.

Он даже не стал дожидаться, пока она проснется, чтобы накормить его завтраком и проводить на работу. Зачем? Леонид и так прекрасно знал, что они будут пытаться делать вид, будто все в порядке, все идет отлично, жизнь течет гармонично и счастливо, к обоюдному удовольствию. Она опять начнет говорить глупости — рассуждать о ценах на продукты, которыми замучила всех вокруг, тараторить о том, что какая-то певица опять сделала пластическую операцию и сколько можно, а Лилечка хоть и хорошая девочка, но разгильдяйка, потому что они ее упустили, и она, ее мать, не понимает, как это может быть, чтобы девочка в почти что тридцать, слава богу, не сглазить бы, лет, вела такой образ жизни, потому что нынешняя молодежь инфантильна и безответственна... Обычно при этом она робко заглядывает в глаза, словно спрашивая: не сморозила ли чего лишнего? И оба знают, что да, сморозила, и вообще, постоянно несет чушь, и что лучше бы помолчала, а то сил нет слушать ее разговоры. От страха она будет болтать еще больше, и все несуразности, ни слова по делу, ни намек про то, о чем стоит поговорить... К счастью, за годы совместной жизни он выработал привычку только делать вид, что слушает ее болтовню и, не прерывая, уноситься мыслью в иное пространство и измерение. В конце концов, он был актером, причем хорошим.

Она тоже спала плохо, часто просыпалась. Бессонница была ее давней спутницей. Сколько страшных мыслей передумала она, лежа с открытыми глазами и прислушиваясь к тишине, сколько мучительных кошмаров пережила, в одиночестве ожидая его возвращения... Но со временем и к этому привыкла. Теперь бессонница стала обычным делом, она уже не видела в ней ни помеху, ни досаду. Наоборот, это было время, когда можно было спокойно, без суеты, подумать о предстоящем дне, за который нужно успеть приготовить обед, сбежать на маникюр, заглянуть в женский журнал.

Но по большей части, когда не спалось, она просто глядела в потолок и не думала ни о чем, просто лежала. Когда он просыпался, она тут же открывала глаза, как верная псина, чутко реагирующая на любые движения хозяина. Она умела безошибочно определять по звуку, где находится муж, и угадывать его действия: вот он сердито скрежещет зубной щеткой; вот жужжит электрической бритвой, смешно морща лоб, надувая щеки, вытягивая губы; вот выбирает себе рубашку на день... Отглаженные, они висят в шкафу ровно, ожидая его решения. Она лично их гладила и развешивала.

Леонида иногда раздражала эта ее последовательная, педантичная, граничащая с паранойей, тяга к порядку и стабильности; ее однообразные, заученные движения; одни и те же повторяющиеся фразы; одинаково угодливое выражение лица. От этого становилось скучно и тоскливо... Но в то же время в этом было нечто уютное и привычное.

Им было хорошо вместе, потому что оба знали: у них все привычно, притерто, пристойно... Одним

словом, принадлежно друг другу. Они вместе ездили на отдых за границу, ходили в гости. Изредка посещали рестораны — на день рождения, там, или на годовщину свадьбы. Иногда тихо переругивались, иногда тосковали друг без друга, а иногда тосковали вместе.

Они разглядывали друг друга долго, много лет, как двое неизлечимо больных, которые лежат в одной палате и от нечего делать пялятся изучающим взглядом. Наконец, узнав каждую черточку, успокоились и смотреть перестали, потому что нового и интересного ничего не появлялось, лишь досадные приметы возраста, замечать которые не хотелось. И оба знали, что дальше будет только хуже, а рассматривать обидные напоминания о прожитой жизни, об упущенных возможностях, о несбывшихся надеждах, которые отпечатались в лице, на руках и в сердце, было не приятно.

Он вышел из дома и поплелся к автомобилю, с тоской думая о том, что придется пробиваться сквозь тель-авивские пробки. Впрочем, лицо его тут же просветлело, когда он увидел свою новенькую блестящую машину. Он нежно любил ее, такую аккуратную и шикарную, и глядел на нее так, как никогда в жизни не смотрел на собственную жену, — с обожанием, с восхищением, с самовольной улыбкой обладателя. Он ее честно заработал, эту машину! Честно добился ее расположения, долго ухаживал за ней, вкладывал не только душу, но и солидные финансы и теперь не без основания рассчитывал на взаимность. И она полностью

удовлетворяла его запросам и требованиям, обеспечивая тело комфортом, а дух — ощущением собственной значимости и успешности.

С удовольствием усевшись за руль в удобное, буквально подогнанное под его габариты кресло, Леонид кивнул сам себе, отмечая недавно вымытый салон и вдыхая запах специальных автомобильных духов. Потом врубил музыку и, чуть приоткрыв окно, так, чтобы свежий воздух не дул в лицо, а лишь поглаживал, приготовился к стремительной езде. Но не успел он занести ногу для того, чтобы выжать газ, как путь ему перегородила Наталья.

— Ленечка! — закричала она испуганно и даже почти страстно. — Ты вот это... обед забыл. У тебя же гастрит!

Сделав скорбную мину, Наталья принялась просовывать заботливо упакованный в пластиковую коробку обед в узкую оконную щель, согнувшись и пытаясь заглянуть мужу в глаза.

Леонид хотел было опустить стекло и даже потянулся к кнопке, но передумал. «А, и так пролезет», — решил он. Наталья поднатужилась, поднажала, чуть присела, ее растрепанные волосы некрасиво легли на плечи, рот скривился, и наконец она с трудом затолкнула злополучную коробку. При этом ноготь на ее указательном пальце сломался.

— Вот, — заключила она удовлетворенно, справившись с нелегкой задачей.

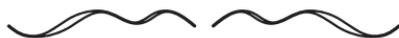
— Спасибо, — буркнул Леонид, изобразив на лице нечто похожее на улыбку.

Одним небрежным движением он завел автомобиль, закрыл к чертовой матери окно, чтобы не

выходил свежий кондиционированный воздух, а заодно — чтобы не видеть жену, выжал газ и укатил.

Завернув за угол, он остановился у первого же мусорного бака и выкинул коробку с обедом.

Наталья

Проводив Леонида долгим взглядом, Наталья поплелась домой. Она вошла в роскошное лобби огромного многоэтажного здания, построенного совсем недавно, буквально полтора года назад. Наталья давно мечтала о новой квартире и потихоньку, в своей излюбленной манере умелого манипулятора, подталкивала мужа к мысли о том, что пора бы им сменить место жительства. Он, как всегда, сердито ворчал и отмахивался, но со временем мысль о новой квартире перестала казаться ему столь уж вздорной. А что, жизнь-то на месте не стоит, нужно соответствовать ее запросам и вызовам!

Наталья умела ждать. В этот раз период ожидания занял дольше обычного: с тех пор, как в голову Леонида удалось заронить первые семена мысли о новой квартире, прошло пять лет, пока эта идея засела крепко, пустила корни и наконец созрела и оформилась в виде самостоятельно принятого им решения. Наталья никуда не торопилась.

Роскошное лобби новенького небоскреба, где они поселились на шестом этаже, было великолепно. Его освещала громадная люстра, и днем среди ее хрустальных завитушек весело резвился солнечный свет, а по вечерам торжественно и важно — электрический.

Возле маленького столика с вазой, в которой стояла живая орхидея, уютно расположились два кресла — на случай, если кому-то из жителей или посетителей придется подождать в подъезде. Здесь же — небольшой книжный шкаф с дежурным набором из популярных детективов, кулинарных книг и журналов. Каждый раз, проходя мимо этой своеобразной библиотеки, Наталью охватывало чувство гордости, нет — настоящий триумф! Вот она, Наталья! Она теперь живет припеваючи, как самая настоящая барыня, дама из высшего общества, богатая леди.

Возле лифта, в небольшом закутке, сидит консьерж — немолодой одутловатый мужчина со старомодными очками на носу, грязными волосами и вежливой улыбкой. Его зовут Анатолий, но все называют его просто Толик — те, кто с ним здоровается, конечно. И те, кто вообще замечает его существование. А ведь многие проходят мимо, лишь слегка кивая, и то не всегда. Зато Анатолий всех знает и помнит. Он знает, кто водит к себе проституток, а кто — соседку снизу, когда жена на работе. Знает, кто закатывает вечеринки с выпивкой и громкой музыкой, а кто чинно сидит за пятничным столом в окружении многочисленного потомства. Знает, кто заказывает на ужин пиццу, а кто возится со сложносочиненными блюдами. Консьерж — такой человек, который знает все... Только об этом никто не догадывается. В его обязанности входит следить за всеми, кто посещает многоэтажный роскошный дом, больше похожий на офисное здание, чем на жилое помещение. По хорошему, он должен вежливо интересоваться, кто, зачем и к кому пожаловал, но он стесняется — мычит что-то невразумительное себе под нос и стыдливо